[От лица Адама]

По приказу Макарова, его сын, Иван Дреяр, был публично исключён из гильдии. Главной причиной этого был выход за рамки действий Ивана против меня, именно этот момент стал решающим в его исключении.

У Ивана был целый список ужасных поступков. Не настолько ужасных, чтобы правоохранительные органы заинтересовались им, но достаточно, чтобы все знали, что он злой человек.

Его нападение на меня стало для старика лишь последней каплей.

Хорошая история с хорошим концом.

Я терпел Ивана все это время только потому, что не хотела лишат Лаксуса того величия, которое он должен был получить. Лакрима была единственной хорошей вещью, которую его отец когда-либо совершил.

— Мне жаль, что такое произошло, прости, — тихо сказал Макаров, осторожно прислоняясь своим старческим телом к стене рядом со мной, его морщинистая рука слабо сжималась в знак сожаления.

Я посмотрел в его глаза, увидев в них океан вины и раскаяния, его лицо и поведение резко контрастировали с тем, что происходило вокруг нас.

Вокруг, не обращая внимания на меня и мастера, члены гильдии хохотали и звенели кружками, а в воздухе гремела громкая и буйная музыка.

— Да всё нормально, — сказал я, пожав плечами. — Не вы же напали на меня. И, кроме того, с самого начала он не был для меня угрозой, даже малейшей.

Глаза Макарова встретились с моими, а затем он улыбнулся, забавно искривив губы, отчего несколько морщинок вокруг его глаз сморщились: — Гилдартс уже сказал мне, что ты особо даже не попотел, чтобы победить его, да и в момент драки ты был истощённым до изнеможения.

— Я мог бы закончить бой одним ударом, но тогда я бы убил его, — ответил я, бросив короткий взгляд на свой дзампакуто, который лежал у меня на поясе в ножнах. — Я не хотел убивать его… поэтому мне пришлось прибегнуть к другим способам его «уничтожения».

Глаза Макарова опустились на мой дзампакуто, а затем снова обратились ко мне: — Сильные люди способны выйти на любой исход битвы, благодаря этому мой глупый сын жив. Я хочу, чтобы ты знал, сынок, если ты когда-нибудь выступишь против врага, которого ты не сможешь

пощадить, не рискуя жизнью, не колеблясь, наноси удар со всей силы.

Мои глаза расширились от удивления, когда он ответил. Его слова повисли в воздухе, их смысл медленно опускался на меня.

— Я знаю, — ответил я. Я знал это очень хорошо. Иван жил только потому, что я был достаточно силён, чтобы позволить себе роскошь оставить его в живых.

Я также знал, что так будет не всегда.

На мою реакцию Макаров улыбнулся, на этот раз своей фирменной дедовской улыбкой: — Ты хороший ребёнок, Адам. Ты ставишь других выше себя, защищаешь их чувства, не ожидая ничего взамен, и за это я горжусь тем, что ты один из моих детей.

Я на мгновение изучил взгляд старика, и между нами возникло странное понимание. Он знал… что я пощадил Ивана не по доброте душевной, а потому что не хотел причинить этим боль ни ему, ни Лаксусу.

Я не мог сказать, как он догадался об этом, но он догадался.

Я посмотрел на Макарова с вновь обретённым уважением, мой рот искривился в забавной улыбке.

— Дедуль, ты страшно проницателен, — сказал я, слегка похлопав его по руке.

Он мягко улыбнулся в знак признательности, его глаза блестели от понимания: — Будешь невежей — не доживёшь до моего возраста, паршивец.

Не успел я произнести и слова, как громкий звук на кухне привлёк моё внимание.

Обернувшись, я увидел, как Гилдартс вышел из кухни, его громадная фигура силуэтом вырисовывалась на фоне разбитого дверного проёма, а в руках у него были две переполненные кружки пива. Его лицо расплылось в огромной улыбке.

Гилдартс вскинул руки вверх, на его лице расплылась огромная ухмылка: — Спасибо за вечеринку, вшивец мелкий! — его рокочущий голос наполнил комнату, отражаясь от стен и потолка.

Я улыбнулся, и мы с мастером подавили смех.

Гилдартс пытался заставить меня оплатить эту вечеринку в честь моей отличной работы, но он

не знал, что я убедил Макарова выставить счёт на него.

— Пей, сколько хочешь, наслаждайся! — ответил я, заставив старика рядом со мной подавиться между смешками.

Гилдартс, будучи слишком пьяным и счастливым, чтобы замечать происходящее, перебрался в зал гильдии, чтобы продолжить веселиться и пить. Пропивая свой кошелёк досуха.

Улыбаясь, я перевёл взгляд на старого мастера, который все ещё хихикал под нос, и почувствовал озорную ухмылку на своих губах.

— Интересно, прикалываться над ним когда-нибудь надоест?

— Да не, — прохрипел Макаров.

Я усмехнулся.

Причина, по которой над Гилдартсом было так легко шутить, заключалась в том, что никто прежде не осмеливался шутить над ним, что, в свою очередь, делало его лёгкой мишенью для тех, кто хотел попробовать.

Помогло и то, что Макарову нравилось над ним издеваться, что дало мне мощного союзника в этих вопросах.

Глубоко вздохнув, я оттолкнулся от стола, на котором сидел, и поднялся со стула. Деревянные ножки скрипнули об пол: — Ну, как бы мне ни нравилось смотреть, как все пропивают кошелёк Гилдартса, — сказал я с кривой ухмылкой, — я устал. Я спать, свидимся, дедуль.

—•——•——•——•——•——•——•——•——•—

На следующее утро, когда я завтракал в своей квартире, я услышал вдалеке болезненный крик человека, который только что понял, что ему придётся заплатить за то, чего он не ожидал.

На моем лице появилась довольная ухмылка, когда я доедал последние кусочки завтрака. Готовый взяться за новую работу в гильдии, я встал из-за кухонного стола и подошёл к двери.

Однако не успел я открыть дверь, как три громких стука эхом разнеслись по моему дому.

И поскольку сила ударов была для меня нова, я не мог понять, кто находится за дверью.

Не чувствуя никакого злого умысла со стороны того, кто пришёл меня навестить, я открыл

дверь, но обнаружил за ней Лаксуса, его глаза были запавшими и тусклыми, а лицо — бледным и осунувшимся.

Он выглядел измученным, словно не спал несколько дней.

— Чего тебе, Лаксус? — спросил я, уже зная, почему он здесь.

Лаксус стоял передо мной, скрестив руки и крепко сжав челюсть. Его лицо было лишено выражения, но его глаза смотрели в мои, ища ответы.

— Это правда? — сказал он, его голос был тусклым и пустым.

Всего несколько дней назад он был просто счастливым ребёнком, который всегда был рад пообщаться со мной, потому что я был единственным ребёнком его возраста в гильдии. Теперь, в мгновение ока, я вижу лишь начало того, что привело его к событиям во дворце грома.

— Что твой отец пытался убить меня? — ответил я, решив, что лучшее, что я могу предложить ему, это свою честность. — Да.

Лаксус уставился на меня, его кулаки сжались по бокам.

— Я не верю тебе! Ты лжец!

— Дело не в том, веришь ты мне или нет, — начал я, вздохнув. — Ты хотел услышать правду, я сказал, а ты назвал меня лжецом. Ты не хочешь принимать правду. Но внутри тебя есть голос, который говорит… прими это, это правда.

Слова Айзена подходят к этой ситуации, как стеклянная туфелька Золушке.

По лицу Лаксуса скатилась одна слезинка, но выражение его лица не изменилось. — Это неправда, — повторил он, его плечи дрожали. — Это неправда! Всё неправда!

Я вздохнул, делая шаг вперёд: — Повторяя одно и тоже, реальность не изменится, Лаксус. Скоро ты поймёшь, время покажет тебе.

Лаксус вскинул голову, его глаза горели гневом, печалью и сомнением: — Мой отец никого не обидит! — его голос поднялся на октаву. — Он строгий… но он не плохой…

— Мне жаль, что ты так себя чувствуешь, — ответила я, глядя на него. — Я знаю, что ты не можешь принять то, что произошло, и это нормально. Для тебя вполне естественно отвергать то, что я говорю. Всей душой человек часто отвергает истину, и не хочет смотреть правде в

глаза. Той правде, которая не выгодна ему самому.

Лаксус отвернулся от меня, отказываясь встретить мой взгляд. Его лицо исказилось в гримасе.

Я глубоко вздохнул и обошёл Лаксуса, наши плечи сцепились, и я сказал: — Спроси своего деда или Гилдарта. Они скажут тебе то же самое.

Лаксус стоял перед моей дверью, когда я, стоя позади мальчика, начал идти в обратном от него направлении, его глаза были широко раскрыты, но вдруг он сделал выпад вперёд, его рот был открыт, а голос гремел по коридору, как гром, когда он кричал: — Разрушительный Кулак Громового Дракона!

Я продолжал идти, слыша треск его крошечного кулачка, ударяющего по моей спине, и ничего не делая. Я знал, что он злится, пытаясь обвинить кого-нибудь в том, что произошло.

Также я знал, что у него не хватит сил, чтобы нанести реальный ущерб, поэтому решил, что лучше всего проигнорировать его атаку.

Оставив потрясённого Лаксуса позади, я продолжал уверенно идти, даже не глядя на него. — Если ты хочешь сразиться со мной, Лаксус, — сказал я, мой голос был низким и ровным, — ты должен стать намного сильнее, чем сейчас.

С этими словами я покинул свой дом с горьким чувством во рту.

Я мог только надеяться, что он последует моему совету и поговорит с Макаровым или Гилдартсом о своём отце. Иногда честность — лучшая политика, даже когда кажется, что это не так.

С другой стороны, я был удивлён, что у него уже есть атака убийцы драконов. Он получил Лакриму меньше недели назад, а уже демонстрировал атаки убийцы драконов.

Возможно, это было чем-то естественным для всех убийцы драконов второго поколения.

Я вздохнул, отгоняя эти мысли, и поспешил в гильдию. Мне нужна была работа, желательно длительная.

http://tl.rulate.ru/book/84296/2801702